

КОНЦЕПТЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

CONCEPTS IN LITERATURE

УДК 82.02.001.11

КОНЦЕПТ «БОГАТЫРСТВО» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ДИАЛЕКТИКА КОНСТАНТНОГО И ОРИГИНАЛЬНОГО

© *Капустина Светлана Владимировна*

кандидат филологических наук, доцент,

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

В статье на примере реконструкции концепта «богатырство» доказывается литературоведческая эффективность двух подходов к осуществлению такого анализа. Во-первых, воссоздание ключевых смыслов некоей *константной* этнокультурной доминанты может быть методически успешным для тех исследований, которые нацелены на изучение специфики национальной литературы (возможно, с компаративной перспективой, позволяющей делать глобальные выводы об особенностях мирового литературного процесса). Во-вторых, *оригинальные* семантические ударения, расставленные конкретным автором при художественной аранжировке задаваемого концепта, могут демонстрировать его индивидуальные ценностные ориентиры, служить важным штрихом для восстановления духовного портрета литератора, свидетельствовать о заложенной либо продолженной им литературной традиции. Именно поэтому акцентируется внимание на полисемантической термина «концепт», учитывать которую необходимо, чтобы избежать неточности при осуществлении литературоведческих исследований.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; литературоведение; общекультурный концепт; индивидуально-авторский концепт; богатырство.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы»

Термин «концепт» прочно закрепился в научной парадигме современности, однако до сих пор актуальна проблема его полисемантической, обусловленная востребованностью среди представителей различных областей гуманитарного знания. Даже в границах филологии были сформированы отдельные направления, действенным инструментом которых стал концепт-анализ: лингвокультурологическое, семантико-когнитивное, литературоведческое. Примечательно, что подавляющее большинство работ, написанных в русле любого из перечисленных направлений, базируется на исследовании поэтических и/или прозаических текстов мировой и/или отечественной литературы, которые, аккумулируя реалии разных эпох, создают «некий универсум, где бесконечная множественность явлений, глубинных и видимых, выталкивает на поверхность нечто хорошо узнаваемое, бывшее прежде, но вместе с тем неожиданно новое» [2, с. 98]. Именно эти константные элементы традиционно принято называть концептами; именно они

систематизируются в словарях-концептуариях, фундаментальных лексикографических трудах, посвященных реконструкции *культурных кодов*.

Вне всякого сомнения, таковые культурно маркированные «концентраты» – ценный материал для литературоведов, выявляющих особенности как национального, так и мирового литературного процесса. Однако не менее значимым в литературоведческом ракурсе считаем и то, что художественные тексты, ретранслируя индивидуально-авторские концепты, дают возможность составить представление о мировоззренческих и поэтологических установках, формирующих идиостиль и творческий метод их создателя. То есть исследование одного и того же концепта в разных системах координат (константной и оригинальной) может быть обусловлено отличными друг от друга литературоведческими целями. Проиллюстрируем выдвинутый тезис посредством анализа концепта «богатырство», реализуемого как в границах русской литературы в целом, так и в творчестве конкретных писателей (поэтов).

Вполне закономерно, что концепт «богатырство» ментально маркирован: генетически восходя к былинному эпосу, он ретранслируется и в произведениях русских классиков. Безусловно, в каждой национальной литературе существует патриотический образ воина, бесстрашного защитника родной земли и соотечественников, готового жертвовать собственной жизнью во славу добра и справедливости. Однако невозможно отнести к когорте богатырей, например, героев англосаксонского либо кельтского эпосов, хотя последние также демонстрируют небывалую физическую мощь, готовность бороться с врагами, совершать подвиги. В чем же принципиальное отличие феномена «богатырство»? Какие ядерные семантические составляющие дают нам основание не отождествлять его, к примеру, с феноменом «рыцарство»? На каком основании исследуемый концепт можно считать неотъемлемой частью русского народного мыслетворчества? Поиску ответов на поставленные вопросы способствует анализ глобально заданного в русской литературе концепта «богатырство».

Былинный эпос ретранслирует исследуемый концепт через такие семантические единицы, как *сила, заступничество, служение*. Каждый из перечисленных компонентов также обусловлен ментально и реализуется в зависимости от времени и условий осмысления. *Сила* «старших» богатырей явлена более архаично, несколько гиперболизированно. Например, сила Святогора «по жилочкамъ живчикомъ так и переливается», однако «...грузно от силушки, какъ отъ тяжелаго беремени» [12, с. 453]. Даже Мать-Земля не может удержать на себе монументального Святогора: его небывалая физическая мощь служит барьером для исполнения истинно богатырской миссии на поле брани. Гиперболизация богатырской плоти, в данном случае, есть не что иное, как указание на инертность, бездействие, равнодушие. «Дремлющая» физическая сила Святогора отнюдь не продуктивна, поскольку лишена тех незыблемых духовных импульсов, которые ярко воплощены в образах «младших» богатырей.

Так, оппозиция «сила-слабость» оригинально проявляется в былинах об Илье Муромце. Тридцать лет и три года герой был слаб физически, однако дар от калик перехожих сделал его сильным как по плоти, так и по духу. Нетленные мощи Преп. Илии Муромца и ныне даруют благодать православным, совершающим паломничество в Антониевы пещеры Киево-Печерской лавры.

Жизнеописание святорусского воина «младшей» когорты выявляет и такие ядерные черты концепта «богатырство», как *заступничество* и *служение*. Духовная крепость и физическая стойкость Ильи Муромца позволяют ему отражать нападки врагов на родную Землю, благословлённым сыном которой он и является. В православной транскрипции образ родной Земли родствен Богородице, заступничество которой помогает святорусскому воину в борьбе с неприятелем. Вполне очевидно, что свою миссию богатырь воспринимает как служение Богу и Отечеству. Воинские подвиги чаще совершаются им не в одиночку, а при поддержке богатырского братства, скрепленного общими духовными устремлениями и силой православного креста (мотив крестного братания достаточно распространен в былинах о «младших» богатырях). Примечательно, что богатырское братство — не аналог инокультурных воинских объединений наподобие рыцарского ордена, поскольку феномены «богатырство» и «рыцарство» развиваются по разным онтологическим траекториям. Принципиальные отличия названных явлений отмечаются и в работах авторитетных исследователей. В частности, В. Я. Пропп отмечает бескорыстность богатырского служения, которое в отличие от рыцарства «...не имеет ничего общего с продвижением по службе или получением титулов» [13, с. 271]. И. С. Кокарев, систематизируя наработки предшественников, приходит к выводу, что русский богатырь в противовес героям западного эпоса:

- а) имеет неблагородное происхождение;
- б) руководствуется общенародными устремлениями по сохранению гармонического состояния Руси;
- в) не нуждается в богатстве;
- г) не поддается греху мщения;
- д) поддерживает идею крестного братства, а не братства по оружию;
- е) выше интересов правителя ставит интересы Православной веры, русской Земли, Киева (как эпического центра мира), народа [9, с. 52]

Безусловно, приведенные примеры — лишь элемент общей картины, ретранслирующей концепт «богатырство» в русской литературе, однако и на основе данных иллюстраций выделяются те его ядерные черты, которые позволяют утверждать о некоей константности, т.е. принимать феномен «богатырство» за локальный тип русской героики, а одноименный концепт — за «некую общенациональную доминанту в русском коллективном и индивидуальном сознании» [6, с. 15].

Вполне очевидно, что концепт «богатырство» получил оригинальные экспликации в творчестве известных писателей и поэтов. Уникальные художественные открытия А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и других позволяют, во-первых, дополнить общую — этнокультурную — модель заданного концепта, а во-вторых, восстановить те мировоззренчески важные черты, которые были приоритетны для каждого из перечисленных литераторов. Следовательно, концепт «богатырство» может выступать как в качестве элемента национальной генеалогии мысли, так и в виде базисной категории мировоззрения писателя, запечатленной в художественной ткани его произведений.

Обратимся к индивидуально-авторскому концепту «богатырство» Н. В. Гоголя с целью глубинного понимания аксиологических ориентиров классика. Если подвергнуть анализу соответствующие контексты из «Выбранных мест из переписки с друзьями», то выяснится: основой богатырской силы писатель считал духовную стойкость как ратоборцев в железных латах, так и людей «каждого звания и места». Создатель «Переписки» неоднократно подчеркивал: «богатырски задремал нынешний век» и крепкий сон его отступит лишь тогда, когда любой из соотечественников осознает, что «в России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем».

Отождествление богатырского поприща со служением Богу сформировалось у Н. В. Гоголя благодаря его живому интересу к творениям Святых Отцов и Учителей Церкви. Посредством анализа помет и записей, сделанных писателем при чтении Библии, по-новому аргументируется наблюдение гоголеведов (С. А. Гончаров, В. А. Воропаев, И. А. Виноградов и др.) об особенно чутком восприятии им Слова апостола Павла: из Второго Послания к Коринфянам автор «Выбранных мест...» заимствует одну из генеральных идей, определивших значение концепта «богатырство» — «сила в немощи». Если физические достоинства сограждан, не просветленных евангельской мыслью, видятся Н. В. Гоголю возможным источником хаоса и разрушений, то внешняя слабость поборников христианства, по его мнению, не препятствует их самореализации в качестве богатырей.

На протяжении всего творческого пути писатель настойчиво ищет художественно полноценный эквивалент богатырства. Поначалу он обращается к такому колоссальному явлению жизни, как казачество. Однако трезвый взгляд на устои и обычаи казачьей вольницы не позволяют однозначно утвердить непреложность духовного подвига этих защитников Божией Правды. В первом томе поэмы «Мертвые души» феномен богатырства раскрывается в обратной «проекции»: страна, некогда рождавшая исполинов, подобных Пересвету и Ослябе (письмо к гр. А. П. Толстому, 1845 г.), ныне полнится горе-/псевдобогатырями типа Собакевича и Мокия Кифовича. В повести «Шинель» автор рисует образ Башмачкина, который вначале обладает обнадеживающим духовным потенциалом (самоотвержением в служении делу, смирением и бесстрашием души), не получившим, однако, должного развития. «Ужасная», по слову Ф. М. Достоевского, трагедия Акакия Акакиевича заключается в движении «от святости к падению» (Чинция де Лотто), в расколе прежде единой личности на два принципиально разных «Я» — *уБОГое*, но, согласно Новому Завету, достойное Царствия Небесного, и *ЗЛО*счастное, т. е. духовно отравленное и обреченное на вечное блуждание в пределах земного круга. На исходе своего поприща Н. В. Гоголь находит героя, соответствующего его представлению о богатырстве, в стенах монастыря (иконописец Григорий из повести «Портрет»), где складывается соборное единство братьев во Христе [4; 5; 6; 7; 8].

Таким образом, характер семантических ударений внутри художественно эксплицируемого Н. В. Гоголем концепта «богатырство» свидетельствует о христоустремленности писателя и позволяет опровергнуть распространенные суждения о нем как о мистике, «оружием смеха борющемся с чертом» [10, с. 180], авторе, «религиозное сознание которого апокалиплично» [11, с. 18], приверженце масон-

ских идей [1, с. 35], адепте «смеси протестантизма и католицизма, возможно, с преобладанием протестантских ценностей» [3, с. 23].

Как видим, изучение одного и того же концепта в разных системах координат — константной (этнокультурной) и оригинальной (индивидуально-авторской) — способствует достижению отличных друг от друга, но одинаково значимых для литературоведения целей.

Литература

1. Вайскопф М. Гоголь как масонский писатель // Гоголевский сборник. СПб.: Образование, 1993. С. 123–136.
2. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. Москва: Флинта, Наука, 2011. 256 с.
3. Давыдов А. П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 264 с.
4. Капустина С. В., Зябрева Г. А. Художественный концепт «богатырство» в творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Т. 24 (63), 2011. С. 114–124.
5. Капустина С. В. Феномен богатырства в трактовке Ф. М. Достоевского и традиция Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. Вып. 12. Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. С. 264–270.
6. Капустина С. В. Концепты «беспорядок» и «богатырство» в творчестве Ф. М. Достоевского и традиция Н. В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2014. 241 с.
7. Капустина С. В., Зябрева Г. А. Концепт в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) // Концепт: грани понятия в современной науке: коллект. монография. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2015. С. 4–45.
8. Капустина С. В. Образ Башмачкина в духовных координатах Н. В. Гоголя (Приглашение к дискуссии) // Вопросы русской литературы. Симферополь: Крымский архив, 2013. Вып. 26 (83). С. 37–46.
9. Кокарев И. С. Идея богатырства в русской культуре: дис. ... канд. культурол. наук. Иваново, 2017. 155 с.
10. Мережковский Д. С. Гоголь и черт: Поэзия; Гоголь и черт: исследование; итальянские новеллы / сост. и вступ. ст. В. Макарова. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 384 с.
11. Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя. Paris: YMCA PRESS, 1934. 147 с.
12. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. Изд. 2-е / под ред. А. Е. Грузинского. М.: Сотрудник школ, 1910. Т. 1. 734 с.
13. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.

THE CONCEPT OF "БОГАТЫРСТВО" IN RUSSIAN LITERATURE: DIALECTIC OF CONSTANT AND ORIGINAL

Svetlana V. Kapustina

Cand. Sci. (Philos.)

Crimea Federal V. I. Vernadsky University

4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Crimea Republic, Russia

Based on the example of reconstruction of “богатырство” concept, the article shows literary effectiveness of the two approaches to the implementation of such an analysis. Firstly, the reconstruction of the key meanings of a certain constant ethnocultural dominant can be methodically successful for those studies that are aimed at studying the specifics of national lit-

erature (possibly with a comparative perspective that allows us to draw global conclusions about the features of the world literary process). Secondly, the original semantic stresses placed by a particular author during the artistic arrangement of a given concept can demonstrate its individual value orientations, serve as an important element for restoring a spiritual portrait of a writer, and testify to a literary tradition laid down or continued by him. That is why attention is focused on the polysemantics of the term "concept", which must be taken into account in order to avoid inaccuracies in the implementation of literary studies.

Keywords: concept; concept sphere; literary criticism; general cultural concept; individual author's concept; 'богатырство'.